
Любовь Вересова
Хозяйка Лунной улицы
Книга 1. Лавка, дом и одна тайна

Любовь Вересова

Хозяйка Лунной улицы

https://litres.ru/74728154
SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти Вера получает второй шанс — в чужом теле, в незнакомом магическом городе.

Ей достаётся полуразрушенный дом на Лунной улице, лавка с пустыми полками, долги и чужое имя. Чтобы выжить, Вере придётся научиться жить по новым правилам: считать медяки, чинить одежду, шить сумки на заказ и не обещать клиентам невозможного.

Но старый дом не просто скрипит половицами. Он греет пол, открывает закрытые двери и хранит следы прежней хозяйки — Верены, которая слишком долго пыталась справиться со всем одна.

А ещё есть Адриан, инспектор магической безопасности. Сначала он приходит проверить опасные узлы в доме. Потом помогает Вере распутать историю бракованной партии, скрытых установок и тайны, из-за которой Верена могла погибнуть.

Уютное бытовое фэнтези о новом доме, собственном деле, магии, доверии и праве выбрать свою жизнь.

Первая книга цикла «Хозяйка Лунной улицы».

Любовь Вересова
Хозяйка Лунной улицы

Глава 1

Таз я нашла под кроватью.

До этого пришлось пожертвовать чашкой, сложенным одеялом и остатками терпения.

Чашка наполнилась слишком быстро. Одеяло промокло насквозь. А таз, когда я вытащила его за погнутый край, оказался с трещиной.

Я сидела на холодном полу, держала его на коленях и смотрела, как с потолка капает на постель.

Кап.

Кап.

Отставив чашку, я подвинула таз к кровати и сунула под него одеяло. Пусть хотя бы пол не зальёт.

Только после этого позволила себе оглядеться.

Комната была незнакомая.

Я поняла это ещё когда проснулась, но тогда вода попала мне в глаз, а следом — за шиворот. Я вскочила, запуталась в длинной рубашке и больно ударилась коленом о кровать. Дальше всё происходило само собой: найти, подставить, отодвинуть мокрое.

Теперь срочное кончилось.

Остальное никуда не делось.

У стены стоял тёмный шкаф. Одной дверце недоставало ручки; вместо неё в отверстие продели шнурок. На стуле лежало серое платье, аккуратно сложенное вдоль. Под окном — стол с чернильницей, стопкой бумаг и огарком свечи.

Я посмотрела на свечу. Потом поискала глазами розетку, сумку.

Ни сумки, ни телефона, ни моей одежды.

Я обхватила себя руками. Рубашка холодила спину.

Надо было позвать кого-нибудь.

Я даже набрала воздуха, но не смогла решить, кого именно звать. И что говорить, когда придут.

Вместо этого поднялась с пола.

Голова закружилась. Пришлось ухватиться за кроватный столбик и постоять, пережидая слабость.

— Хорошо, — сказала я тихо. — Сначала одеться.

Собственный голос звучал странно. Наверное, я простыла.

Это объяснение меня устроило ровно настолько, чтобы добраться до стула.

Платье оказалось тяжёлым, шерстяным. Я встряхнула его, и из складок пахнуло давно не проветриваемым шкафом. Спереди тянулся ряд маленьких пуговиц.

Ни молнии. Ни ярлычка у ворота.

Самодельное?

Я вывернула боковой шов.

Платье уже ушивали. Кто-то прихватил ткань крупными

стежками, затянул нитку, и теперь от талии к бедру шла косая складка. Я провела по ней пальцем, невольно прикидывая, сколько придётся распороть.

Минут двадцать работы. Если есть нормальная иголка.

Я замерла.

Какая иголка?

Где я?

Я медленно опустила руки с платьем. Стояла посреди чужой комнаты и разглядывала швы, потому что со швами всё было понятно.

За окном прогрохотало что-то тяжёлое. Послышался мужской окрик, стук колёс, ещё один голос — женский, сердитый. Обычные утренние звуки. Там были люди.

Я подошла к окну, положила платье на подоконник и потянула раму.

Не открылась.

Прижала ладонью защёлку, попробовала ещё раз. Дерево разбухло от сырости, краска в углу вздулась пузырями.

Через мутное стекло виднелась крыша соседнего дома и полоска улицы внизу. Каменная мостовая блестела после дождя. У двери напротив мужчина в кожаном фартуке выставлял под навес деревянный ящик.

Дальше, за его плечом, проехала повозка.

Я подалась вперёд, стараясь рассмотреть больше.

Что-то потянуло волосы на затылке.

Я обернулась слишком резко и вскрикнула: прядь зацепи-

лась за торчащий из рамы гвоздь.

Пришлось поднять обе руки и осторожно высвобождать волосы. Длинные. Тёмные.

Совсем не мои.

Я держала прядь между пальцами.

Наверное, несколько секунд. Может быть, дольше.

Потом разжала руку и посмотрела на ладонь.

На правой, у основания большого пальца, должен был быть шрам. Тонкий белый след. Я знала его лучше, чем собственный номер телефона: видела каждый раз, когда брала ножницы.

Я провела по коже, перевернула руку к свету. Шрама не было.

Таз у кровати звенел всё чаще.

Я не двигалась.

Больница.

Мысль появилась с таким облегчением, что я почти поверила.

После наркоза бывает всякое. После травмы тоже. Я могла не помнить, как меня привезли. Волосы могли казаться другими. И руки. Зрение, лекарства…

Нужно найти врача.

Я схватила платье, натянула через голову и принялась застёгивать.

Первая пуговица. Вторая. Третья выскользнула из пальцев. Я попробовала снова.

Петля была слишком тугая. Ноготь зацепился за нитку, и та больно впилась под кожу.

— Да что ж такое…

Я вытащила палец, прижала к губам и снова взялась за пуговицу.

С потолка капнуло на макушку.

Я отступила, наступила на мокрое одеяло и почувствовала, как холодная вода выступает между пальцами ног.

Я ухватилась за спинку стула, пытаясь сойти с мокрого одеяла. Подол зацепился за щепку. Я дёрнулась, услышала треск ткани — и толкнула стул от себя.

— Хватит!

Он проехал по полу и ударился о шкаф.

Одна ножка подломилась.

Я зажмурилась.

Ну конечно.

Теперь ещё и стул.

В наступившей тишине было слышно, как у меня дрожит дыхание.

Тишине?

Я открыла глаза.

Вода больше не капала.

Подняла голову.

Мокрое пятно осталось на месте. На самом его краю висела крупная капля. Пока я смотрела, она набухла, вытянулась…

И ушла обратно в трещину.

Я перестала дышать. Ждала, но на потолке больше ничего не происходило.

Потом за стеной негромко стукнуло, словно кто-то поставил на пол тяжёлое ведро.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

Я попятилась к двери, не отводя глаз от потолка. Нащупала ручку, повернула.

Дверь упёрлась.

Я дёрнула сильнее.

— Откройте.

Голос получился тонким. Я сглотнула.

— Пожалуйста. Мне нужно выйти.

Ручка повернулась до конца. Дверь подалась, и я успела выставить ногу, чтобы не упасть.

За порогом был коридор. Узкий, с выцветшей дорожкой. В нескольких шагах начиналась лестница. На перилах висела тряпка.

Я ухватилась за косяк.

Здесь тоже не было ничего больничного.

Ни каталок. Ни белых стен. Ни запаха лекарств, за который я могла бы зацепиться.

На стене у лестницы висело зеркало.

Я увидела его и сразу поняла, что не хочу подходить.

Нужно было спуститься. Найти людей. Выпить воды.

Сесть, в конце концов. Я почти сутки могла ничего не есть — откуда мне знать? От слабости и не такое померещится.

До лестницы я не дошла.

Остановилась перед зеркалом.

Женщина в отражении была бледной, с покрасневшими глазами. Тёмные волосы лежали на плечах спутанными прядями. Верх платья остался расстёгнут; у ключицы виднелась маленькая коричневая родинка.

Я подняла руку к своей шее.

Женщина сделала то же самое.

Я коснулась щеки.

Тёплая.

Провела пальцем по незнакомой брови. Нажала на нижнюю губу, где треснула кожа.

Стало больно.

— Нет, — сказала я.

И попробовала ещё раз:

— Нет.

Отражение смотрело на меня.

Я не знала эту женщину.

Даже сейчас, когда её лицо двигалось вместе с моим, не знала.

Мне захотелось увидеть собственную руку. Обычную. Со шрамом. С коротким ногтем на указательном пальце, который вечно ломался раньше остальных. Захотелось в свою ванную, где у зеркала отклеился угол и я всё собиралась его

поправить.

Я бы сейчас его поправила.

Сразу.

Только бы оказаться там.

Я села на пол. Осторожно, придерживая подол, будто это ещё имело какое-то значение.

В памяти было пустое место.

До него — моя жизнь. Я знала, кто я. Помнила своё имя, возраст, людей, которым могла позвонить. Помнила дела, которые оставила на завтра.

После — мокрая постель.

Я пыталась соединить одно с другим, и каждый раз внутри поднимался такой страх, что приходилось останавливаться.

— Я Вера, — сказала я.

В коридоре прозвучало чужим голосом моё имя.

Я повторила его ещё раз.

Потом подтянула колени и спрятала в них лицо.

Пол под босыми ступнями был холодным.

Через некоторое время я заметила, что холод уходит.

Сначала решила, что просто перестала его чувствовать. Но тепло становилось отчётливее. Проступало сквозь дерево под пятками, добиралось до пальцев.

Я подняла голову.

Коридор был пуст.

Внизу, за лестницей, скрипнула половица.

Я вслушалась.

Ещё одна.

Будто кто-то осторожно прошёл по комнате и остановился, не решаясь войти.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала я туда.

От этого признания задрожали губы. Я прикусила их и долго смотрела на лестницу.

Ответа не было.

Только пол под ногами оставался тёплым.

***

Я просидела на полу, пока не начала дрожать уже всем телом. Тёплые доски помогали ступням, но мокрая рубашка липла к спине.

Я вытерла лицо рукавом и поднялась. В зеркало больше не смотрела.

По лестнице спускалась боком, держась за перила. Внизу пахло холодной золой. Дверь справа вела в кухню: чугунная плита, стол с двумя стульями, шкафчик с посудой. У окна — глубокая каменная раковина, рядом кувшин.

Я понюхала воду, налила в найденную кружку и попробовала. Потом выпила всё и налила ещё.

В голове немного прояснилось. Я поставила кружку и упёрлась ладонями в край раковины.

Где сейчас моё тело?

Мысль, которую до сих пор удавалось отгонять, наконец настигла меня. Я зажмурилась. Представила свои руки, оставленную дома одежду — и оборвала себя.

Не сейчас.

На крючке за дверью висело полотенце. Чистое, жёсткое, с тщательно заштопанным углом. Мелкие стежки ложились ровной сеткой, повторяя переплетение ткани.

Я провела по ним пальцем и повесила полотенце обратно.

Под крышкой глиняного горшка нашёлся хлеб. Половина небольшой буханки, завёрнутая в ткань. Я отрезала ломоть, собрала крошки и съела их, пока искала глазами, чем ещё можно поживиться.

На полке стояли банки: немного муки, крупа, какие-то сушёные листья. Больше ничего.

Я села за стол с хлебом в руке. На противоположном краю лежала прикрытая тряпицей стопка ткани. Из-под неё торчала игла с ниткой, рядом стоял потёртый напёрсток.

Здесь кто-то жил. Берёг хлеб, чинил бельё. Оставил иголку, чтобы потом вернуться к работе.

Я положила недоеденный ломоть на ткань.

— Есть тут кто-нибудь?

За окном перекликались двое мужчин. В доме никто не ответил.

Я подождала, потом встала к плите.

Разжечь её удалось не сразу. Щепки нашлись в ящике сбоку, а в столе — маленькая коробочка с металлическим колёсиком. После нескольких попыток я получила искру, обожжённый палец и слабое пламя, которое пришлось долго раздувать.

Дым шёл в лицо.

Я закашлялась и потянула железную ручку заслонки. Та не сдвинулась. Подложила под ладонь сложенное полотенце, попробовала ещё раз.

— Ну пожалуйста…

Внутри стены глухо стукнуло. Ручка подалась, и дым втянуло в топку.

Я задержала на ней руку.

Старая печь. Что-то заело, потом поддалось. Бывает.

Поставив на плиту чайник, я сняла платье и мокрую рубашку. Отжала её над раковиной, развесила на спинке стула. Платье надела на голое тело. Застегнула все пуговицы, кроме верхней: нитка в петле разлохматилась, и я не стала с ней бороться.

У подола нашлась новая прореха. Я свела края пальцами. Несколько стежков, если подобрать нитку. Поймала себя на этом и отпустила ткань.

Во внутреннем кармане что-то звякнуло. Я достала железный ключ с обрывком синей ленты, повертела и убрала обратно.

Когда чайник зашумел, налила горячей воды в кружку и села греть руки.

Нужно выйти. Найти человека, который объяснит, где я. Спросить название города, дорогу к больнице.

А если меня узнают?

Я посмотрела на дверь.

Тогда придётся слушать.

***

Перед выходом я убрала хлеб в горшок и собрала крошки. Вспомнила о мокром одеяле наверху. И о стуле. Может быть, ножка просто выскочила из крепления — нужно посмотреть.

Я остановилась с крышкой в руке.

Нельзя же всерьёз беспокоиться о стуле сейчас. Но я беспокоилась: сломала чужую вещь. Может, здесь на другую денег не было.

У входной двери на гвоздях висели тёмная накидка и пустая плетёная сумка. Под ними стояли разношенные туфли.

Я сунула ноги внутрь. По размеру.

На секунду это оказалось почти невыносимо: даже обувь здесь знала мои ноги лучше, чем я. Я нагнулась, расправляя задник, и переждала.

Потом надела накидку.

Рядом со входом была ещё одна дверь, с занавеской на стекле. Я нажала на ручку — заперто. Достала из кармана ключ. Он подошёл; замок щёлкнул легко, будто его недавно смазывали.

За дверью находилась лавка.

Настоящая маленькая лавка, с длинным прилавком и полками вдоль стен.

Я остановилась на пороге.

Через ставни в переднем окне падали узкие полосы света. В них медленно кружилась пыль. У стены стояла лестница

на колёсиках. На прилавке — весы с двумя медными чашами и раскрытая тетрадь.

Товар почти отсутствовал.

На нижней полке лежали мотки толстого шнура. Чуть выше стояли коробочки, некоторые без крышек. В одной я увидела застёжки, в другой — гладкие колечки из светлого дерева.

Со стены свисали короткие плетёные шнуры.

Я подошла ближе.

Узлы на них были необычными. Слишком сложными для обычных завязок, слишком одинаковыми для случайного плетения. На одном шнуре торчал свободный конец. Его несколько раз пытались заправить обратно: волокна распушились.

Я приподняла шнур, не снимая с крючка.

Узор повторялся через каждые три переплетения. В середине ритм сбивался.

Я проследила его пальцем.

Здесь нить должна была пройти снизу.

Или мне только казалось.

Я отпустила шнур.

На прилавке рядом с тетрадью лежали очки. Одну дужку обмотали ниткой. Под очками белел узкий листок, исписанный столбцами цифр.

Я отвела глаза.

Пока не надо.

Сначала найти кого-нибудь.

Из лавки на улицу вела отдельная дверь. На внутренней стороне висела деревянная табличка с надписью «Закрыто».

Я подошла и приподняла край занавески на стекле.

Снаружи, совсем близко, стояла женщина с корзиной на сгибе локтя.

Она смотрела прямо на меня.

Я от неожиданности выпустила ткань.

Поздно.

В дверь постучали.

— Верена? — позвала женщина. — Вы наконец встали?

Я стояла, сжав в кулаке край накидки.

Женщина подождала немного и постучала ещё раз, теперь тише.

— Милая, откройте. Я вам поесть принесла.

***

Я посмотрела на засов, потом на собственные руки.

Женщина за дверью знала, кого пришла навестить. Сейчас я открою, она увидит меня, заговорит о чём-нибудь, что я обязана помнить…

— Верена?

В её голосе появилась тревога.

Я сняла засов.

Дверь открылась не сразу: пришлось чуть приподнять её за ручку. Женщина с той стороны привычно подхватила снизу.

— Опять отсырела, — сказала она и, переступив порог, внимательно посмотрела мне в лицо.

Я отступила.

На вид ей было около шестидесяти. Невысокая, широкая в плечах, с крепкими красными руками. Из-под тёмного платка выбивались седые волосы. На рукаве у локтя белела мука.

Она перевела взгляд на мои волосы, потом на накидку, под которой виднелось расстёгнутое у ворота платье.

— Вы чего здесь стоите? Сквозняк ведь. Ступайте на кухню.

Я не двинулась.

Женщина прижала корзину к боку.

— Опять дурно?

— Немного.

Это было правдой.

Она свободной рукой придержала меня за локоть.

— Пойдёмте.

Слово «пойдёмте» оказалось неожиданно полезным. Пока нужно было только переставлять ноги и позволить другому человеку знать дорогу.

На кухне я сняла накидку и повесила её на крючок за дверью. Гостья поставила корзину на стол, развязала платок и сразу заметила рубашку на стуле.

— Крыша?

Я кивнула.

— Над кроватью?

— Да.

Она поджала губы.

Больше ничего спрашивать не стала. Сдвинула стул поближе к плите и кивнула мне:

— Садитесь.

Из корзины появились горшочек, завёрнутый в толстую ткань, небольшой хлеб и два яйца.

Я смотрела на них, не зная, куда деть руки.

— Я не уверена, что смогу заплатить.

Женщина замерла с хлебом в руках. Посмотрела на меня.

— За суп?

Мне стало жарко.

— Простите. Я…

— Ешьте сначала.

Она отвернулась к шкафчику, безошибочно достала глубокую миску и ложку. Я опустила глаза.

Всё здесь было ей знакомо.

Я же ещё недавно искала полотенце.

Женщина переложила в миску густой суп. Пар пах луком, крупой и чем-то мясным. Желудок сжался так резко, что я невольно подалась вперёд.

— Не горячитесь только.

Я взяла ложку.

Первую проглотила почти без вкуса. На второй пришлось остановиться: к горлу снова подступил ком.

Женщина сделала вид, что не заметила. Убрала яйца в ма-

ленькую миску на полке, прикрыла хлеб тканью. Потом села напротив и стала растирать ладони, согревая пальцы.

Я ела. Она молчала.

За это молчание я была благодарна ей едва ли не больше, чем за еду.

Когда дно миски стало видно, гостья положила добавки. Я заставила себя есть медленнее.

— Давно я… — начала я и остановилась.

Женщина подняла глаза.

— Что?

— Давно вы заходили?

— Позавчера. Вы через дверь ответили. Сказали, ничего не нужно.

Я провела ложкой по краю миски.

— Я плохо помню.

— После такой горячки немудрено.

Она сказала это спокойно, но тут же придвинулась ближе и коснулась тыльной стороной ладони моего лба.

Я едва удержалась, чтобы не отшатнуться.

— Вроде не горите. Лекарство пьёте?

Я растерянно посмотрела на неё. О лекарстве я слышала впервые.

Женщина вздохнула.

— Верена.

От этого имени ложка застыла у меня в руке.

У двери ещё можно было не отзываться. Здесь женщина

смотрела прямо на меня и ждала ответа. Вереной была я — для неё.

— Я сейчас не очень хорошо соображаю, — сказала я.

Она вгляделась в моё лицо.

— Вижу.

Я положила ложку.

— И мне неловко, что вы всё делаете.

— А мне неловко сидеть перед человеком с полной корзиной и смотреть, как он шатается. Так что считайте, мы друг другу помогли.

Она сказала это без улыбки, подбирая со стола крошку мокрым пальцем.

Я тихо выдохнула.

— Спасибо.

— На здоровье.

***

Когда я доела, женщина поднялась забрать миску.

Я успела первой.

— Это я могу сама.

— Так я разве спорю?

Но к раковине она пошла следом. Смотрела, как я наливаю воду из кувшина, потом протянула руку к маленькому рычажку сбоку.

Я приняла его за крепление.

Рычажок повернулся. Из короткого изогнутого носика потекла вода.

Я чуть не выронила миску.

Женщина придержала её за край.

— Да вы совсем слабы. Оставьте.

— Нет, я просто…

Договорить не удалось.

В носике крана на мгновение мелькнул голубой свет. Исчез, появился снова.

Вода побежала тоньше.

Женщина нахмурилась.

— И здесь перебои.

Она закрыла кран, потом открыла снова.

Раздался негромкий свист.

Я вспомнила каплю, ушедшую обратно в потолок, и тёплые доски под ногами. Здесь тоже можно было бы поискать объяснение — какой-нибудь скрытый механизм, отражение. Но я уже устала убеждать себя, что всё вокруг обычное.

— Что с ним? — спросила я.

— С узлом, наверное. Откуда мне знать?

Она произнесла это тем же тоном, каким могла бы пожаловаться на старую трубу.

Я поставила миску в раковину.

— Лучше не трогать пока.

— Ну, вам виднее.

Женщина вернулась к столу собирать корзину.

Мне виднее.

Я посмотрела на кран, затем на свои руки.

Если хозяйка дома знала, как всё это устроено, окружающие рано или поздно заметят, что я не знаю ничего.

Нужно было выяснить хотя бы самое простое.

— Вы рядом живёте? — спросила я и сразу поняла, как это прозвучало.

Женщина медленно повернулась.

Я сжала край раковины.

Она посмотрела на меня, потом на пустой горшочек.

— Верена, вы меня узнаёте?

В кухне стало очень тихо.

Я могла сказать «конечно». Улыбнуться. Притвориться, что неудачно выразилась.

Но она ещё немного посидит, спросит о чём-нибудь другом, и придётся придумывать снова.

— Нет, — ответила я.

Женщина опустила корзину обратно на стол.

— Совсем?

Я покачала головой.

Она подошла. На этот раз я выдержала её взгляд.

— А дом?

— Я понимаю, что это дом. Вижу кухню, лавку. Но не помню, где что лежит.

Женщина некоторое время молчала.

Потом взяла меня за руку и отвела от раковины.

— Сядьте.

Я села.

Она устроилась напротив.

— Имя своё помните?

— Вера.

Слово вырвалось прежде, чем я успела подумать.

Женщина нахмурилась, беззвучно повторила его губами.

— Верена, — осторожно поправила она.

Я опустила глаза.

Она накрыла мою руку своей. Ладонь у неё была шершавая, тёплая.

— Меня зовут Марта. У меня пекарня напротив. Видели, наверное, из окна.

Я кивнула.

— Позавчера мы разговаривали. А до этого я тоже заходила. Суп приносила, как сегодня.

Марта говорила медленно, но обычным голосом, и я была благодарна, что она не стала кричать, как иногда кричат с больными.

— Вы живёте здесь. На Лунной улице. В Ровеле.

Ровель. Ничего — ни картинки, ни ощущения знакомого названия.

Я ждала, что хотя бы одно слово окажется знакомым.

Марта заметила.

— Не вспоминается?

— Нет.

Она убрала руку и потёрла подбородок.

— Лекаря надо.

Я вскинула голову.

— Не сейчас.

— Почему?

Потому что я не знала, что местный лекарь сможет увидеть.

Потому что здесь из крана мигал синий свет.

Потому что страх перед ещё одним незнакомцем оказался сильнее здравого смысла.

— Можно немного подождать? Я только встала. Может быть, после еды…

Марта недовольно посмотрела на меня.

Я знала этот взгляд. Так смотрят на человека, который просит сделать вид, будто всё в порядке.

— Немного, — сказала она наконец. — Но если голова заболит или снова начнёт знобить — сразу скажете. Я напротив. Покричите с порога, услышу.

Я кивнула.

— И дверь из лавки не запирайте на засов. Я после обеда загляну.

— Хорошо.

Марта встала, но уходить не спешила.

Проверила топку. Поправила рубашку на спинке стула, чтобы ткань не касалась горячего чугуна. Подвинула поближе ко мне хлеб.

Я сидела и смотрела.

Больше всего хотелось попросить её остаться.

Хотя бы ещё на десять минут.

Я почти решилась, когда в лавке постучали.

Марта подняла голову.

— Уже покупатели?

Стук повторился — три ровных удара.

Я невольно вцепилась в край стола.

— Вы посидите, — сказала она. — Я посмотрю.

Из кухни было слышно, как она прошла через лавку, как скрипнула наружная дверь.

Мужской голос спросил:

— Госпожа Верена дома?

— Дома, но она нездорова.

— Мне необходимо осмотреть защиту здания.

Марта ответила не сразу.

— А до обеда это никак не подождёт?

— Боюсь, что нет.

Я встала.

На столе осталась моя кружка с недопитой водой. Я зачем-то переставила её подальше от края и пошла в лавку.

Марта стояла у открытой двери, загораживая проход плечом.

За ней я увидела мужчину в тёмном пальто. В одной руке он держал кожаную папку. Другая, без перчатки, лежала на дверном косяке.

Он посмотрел на меня.

Спокойно, внимательно. Потом перевёл взгляд на Марту

и отступил на полшага, освобождая ей место.

— Госпожа Верена?

Я не успела ответить.

Под его ладонью посыпалась на порог мелкая чёрная пыль.

Мужчина опустил глаза.

Провёл большим пальцем по дереву. На коже остался тёмный след.

— Марта, выйдите, пожалуйста.

— Что там?

— И вы, госпожа Верена. На улицу.

Я посмотрела на косяк.

Из маленькой трещины возле его руки тонкой струйкой тянулся дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.